

Портреты выдающихся мастеров искусства

Черты характера советского артиста

Я, как и многие артисты старшего поколения, с большим интересом встретил сборник статей, посвященных В. Р. Петрову, выпущенный недавно Государственным музыкальным издательством. Слишком мало у нас книг о выдающихся оперных певцах России, а они могли бы сослужить большую службу в воспитании достойной смены мастерам вокала.

Народный артист республики Василий Родионович Петров прошел долгий и славный творческий путь. 35 лет своей жизни он отдал Большому театру. За это время талантливый артист спел 80 партий, 50 из них — в русских операх. Для него не существовало «маленьких» ролей. Он с одинаковым успехом исполнял партии Сусанина и Гудала, Руслана и Андрея Дубровского, Пимена и Спарафучиля.

В. Р. Петров выступал в таком созвездии корифеев русской оперной сцены, как Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинин, А. В. Нежданова. Но и в соседстве с этими великими мастерами его вокальное и сценическое дарование горело ярким светом.

А. В. Луначарский говорил, что по силе и мощи голос певца превосходил голос Шаляпина. Как пишет в своей статье, напечатанной в сборнике, И. Козловский, это признавал и Шаляпин, сказавший однажды: «Петров имеет вокальные возможности куда лучшие, чем мои».

В. Р. Петрова по праву можно назвать актером-певцом. Вокально-сценические образы, созданные им, запомнились на всю жизнь.

Секрет его творческих успехов заключался, в первую очередь, в необыкновенном трудолюбии. В 1902 году он был зачислен в труппу Большого театра. В середине июня молодой певец получил уведомление от дирекции о назначенном ему репертуаре. В списке числилось свыше двадцати партий. Ни от одной из них В. Р. Петров не отказался и к 1 сентября явился в театр, полностью подготовив весь репертуар. Он начал свои выступления партией Мельника («Русалка»), в октябре исполнил роли Руслана, Гремينا, Капулетти (в «Ромео и Джульетте» Гуно), Священника (в опере Кюи «Пир во время чумы») и Архипа (в «Дубровском» Направника), 5 ноября — партию Сусанина. В том же сезоне он исполнил роли Владимира Галицкого, князя Гудала. В следующем сезоне в его репертуаре уже была тридцать одна партия, а в сезоне 1904/1905 года — тридцать три.

Это свидетельствует об огромном чувстве ответственности перед театром.

С первых дней своей работы в театре молодой артист был озабочен качеством исполнения. Это видно из письма, написанного им в начале сценической деятельности, в котором он подвергал критике рутину, царившую за кулисами.

«...Надеясь на то, что каждый актер к известному времени обязан знать свою роль, вывешивается объявление, что в таком-то месте и в таком-то часу назначена репетиция.

И вот все участвующие приносят свои разнохарактерные, бестолковые, никем не объединенные познания.

Эта бессистемность, это нерадение и полнейшее непонимание режиссером своих прямых обязанностей и порождают недопустимое отношение к делу и к молодым начинающим исполнителям.

Что они могут получить от таких руководителей?

— Сделайте так-то... Станьте там-то... Перейдите на этом месте туда-то...

Зачем? Почему? Для чего?

При таком положении отпадает забота об художественной стороне дела, отпадает забота об молодом артисте.

Царит ничем не оправданный шаблон, и молодые повторяют механические ошибки старых.

Но отбыты известные часы занятий, — что и требовалось доказать...»

Как видно из приведенных строк, молодой актер стремился к реалистическому, правдивому воплощению образов. Он подолгу беседовал о каждой роли с товарищами по сцене, вникал во все подробности декораций и костюмов, нередко правил русские переводы текстов иностранных опер, проявляя при этом бесспорное литературное дарование.

Вдумчивый и пытливый по природе человек, В. Р. Петров всю жизнь пополнял знания, приобретенные в кон-

Заметки о книге
„В. Р. Петров“

серватории, самообразованием. Читал он всегда много, вдумчиво. Когда в театре возникли споры, касающиеся постановки «Бориса Годунова», все убедились, что В. Р. Петров хорошо знает и партитуру оперы, и пушкинскую трагедию, и ее исторические источники. Говоря о Пимене, он с увлечением цитировал русские летописи, в чтении которых погружался и во время работы над «Сказанием о граде Китеже».

Его «круг чтения» не ограничивался профессиональными интересами. Василий Родионович превосходно знал русскую и западноевропейскую классическую литературу, историю своей Родины, философию, интересовался изобразительными искусствами, увлекался естествознанием.

В. Р. Петров всегда жил интересами искусства. Даже тогда, когда он не был занят в спектакле, Василий Родионович неизменно присутствовал на репетициях. Он хорошо знал не только содержание, но и музыку тех, сравнительно немногочисленных опер, которые шли без его участия, отлично знал партии других исполнителей во всех тех операх, в которых пел сам, всегда готов был помочь товарищам своим профессиональным опытом и знаниями.

Авторы статей, опубликованных в сборнике, единодушно отмечают, что в основе вокально-сценических образов, созданных им, лежало идейно-эмоциональное содержание, раскрывавшееся артистом через музыкальную интонацию, во многом определявшую лепку сценического образа.

Совершенное постижение музыкальной интонации обуславливало у него удивительно пластичную ясность дикции, которая неизменно поражала слушателей. Исполнительское мастерство выдающегося артиста основывалось на глубоком понимании той органической слитности музыкальной интонации и смыслового содержания «распеваемой» речи, которая присуща русской народной песне и творениям отечественных мастеров.

Василий Родионович придавал особенное значение тембральной окраске звука, подолгу работал над отделкой каждой партии. Он никогда не форсировал звука, пел просто и естественно, видя в голосе средство и способ для выражения внутреннего смысла музыки.

Все оперные образы жили в нем, как образы музыкальные. Поэтому ему так легко давалась сценическая правда, рождавшаяся музыкальной природой образа.

Надуманного, ложного пафоса, как и отвлеченной, поверхностной вокалистики, для него не существовало. Он пел искренне, от всего сердца, насыщая и музыку и текст большим, вдохновенным содержанием.

Е. Катюльская свидетельствует, что В. Р. Петров никогда не пренебрегал указаниями композитора, не допускал «отсебятины», пения «говорком» или «на публику», не терпел ложного пафоса и внешних антимзыкальных эффектов.

«Если в исполнении певца нет искренности, — говорил он не раз, — нет правды, нет мысли, то нет и подлинного искусства. Такого певца не спасут ни красивая внешность, ни эффектные ноты, ни блеск и сила голоса».

Жизненная правда, искренность и художественная простота являются основными чертами подлинного искусства. Эти черты и отличали исполнительское мастерство Василия Родионовича.

По свидетельству современников, этот выдающийся певец всегда стремился постигнуть замысел композитора в целом, понять каждый образ, его взаимодействие с другими образами, его целеназначение. И в то же время он не пренебрежал значения формы, техники исполнения. Василий Родионович свободно читал клавиш и партитуру, мог подготовить самую сложную партию по клавиру, без роля. Он всегда раньше всех исполнителей знал новый спектакль, раньше всех готовил свою партию.

Всю свою жизнь В. Р. Петров был

ярким врагом копирования, подражательства. Иногда, когда в театре появлялся новый бас, друзья пытались подразнить его: «Пропал, мол, Василий Родионович, забьет». «А что мне волноваться? — спокойно возражал он. — Каждый поет за себя. Я не спою, как он, но и он не споет, как я!». Эта вера в собственную творческую индивидуальность и помогала артисту создавать неповторимые образы. И, что важно, — они никогда не застывали. Образ Мельника, созданный им в 1902 году, во многом отличался, например, от его же трактовки этой роли в двадцатых — тридцатых годах. И не только Мельник, но и Руслан, Кончак, Собакин и многие другие образы с каждым выступлением становились ярче, выразительнее, убедительнее.

Характеризуя облик выдающегося певца, нельзя не упомянуть о его героическом поведении в последние десятилетия его жизни. Все мы воисторгаемся подвигом летчика Мересьева, описанным Б. Полевым в «Повести о настоящем человеке». В судьбе Василия Родионовича есть многое, что роднит его с Мересевым. Петров выступал на оперной сцене до конца дней своих, и мало кто знал, что у него были атрофированы мышцы обеих ног. Он научился настолько свободно передвигаться по сцене при помощи сложных, специально для него сконструированных протезов, что никто из зрителей никогда не догадывался об этом.

Дирекция Большого театра не раз пыталась облегчить положение артиста, сократить его занятость в спектаклях, но он противился этому.

Каждый, кто внимательно прочтет книгу о Петрове, поймет истоки его творчества, его любви к русскому искусству. Сын народа, он plenamente любил свою Родину и свой народ.

Советское правительство, озабоченное болезнью певца, послало его осенью 1924 года для лечения в Германию. Вернувшись из-за границы, он дал беседу сотруднику журнала «Новая рампа».

«На наш вопрос — согласился ли бы Петров остаться петь за границей — последовал ответ:

— Никогда! Моя болезнь заставила меня прожить там около двух с половиной месяцев, которые показались мне целой вечностью. Я скучал по России, скучал по русской сцене и без нее не могу жить. Да и жизнь за границей не так хороша, как об этом кое-кто говорит.

В России лучше и проще».

Выдающийся русский артист самоотверженно служил народу, нес ему свое несравненное искусство.

В годы гражданской войны и в годы мирного строительства он много и охотно ездил по стране, выступал в клубах, госпиталях и воинских частях. Никогда и нигде он не позволял себе выйти небрежно одетым, наспех загримированным. Он любил людей, для которых пел, уважал и их и свое искусство, умел полноценно служить искусству в любой обстановке.

Таковы мысли, возникшие у меня в связи с книгой «В. Р. Петров». Я не ставил перед собой цели критически разобрать сборник статей, хотя в нем есть немало существенных недостатков: повторение одних и тех же мыслей, отдельные спорные положения, мало внимания уделено раскрытию эстетики творчества В. Р. Петрова, разбор его исполнительского стиля, индивидуальных особенностей. Об этом скажут профессиональные критики. Меня интересовали штрихи, рисующие его моральный облик артиста-патриота, каким, по моему глубокому убеждению, должен быть каждый деятель советского театра.

«Мне хотелось бы, чтобы наши молодые артисты глубоко изучали блестящее мастерство корифеев русской оперной сцены. Замечательное пение русских артистов, их преданное патристическое служение отечественной музыкально-сценической культуре должны быть примером для всех, кто посвящает свою жизнь вокальному искусству», — говорится в статье А. В. Неждановой, напечатанной в сборнике «В. Р. Петров».

К этому пожеланию выдающегося мастера я присоединяю и свой голос.

М. МИХАЙЛОВ,
народный артист СССР.